

МАРГАРИТА КИРОВА

**ВЕДЬМА-ПРЕПОДАВАТЕЛЬ
В АКАДЕМИИ
ОРКОВ**

18+

Маргарита Кирова

**Ведьма-преподаватель
в академии орков**

«Автор»

2026

Кирова М.

Ведьма-преподаватель в академии орков / М. Кирова — «Автор»,
2026

Вестра Брин собиралась начать новую жизнь. Желательно такую, где её не судят за превращение поместья бывшего жениха в гигантскую тыкву. Но судьба, магистрат и очень мстительный аристократ решили иначе: вместо тюрьмы Вестру отправляют преподавать в военную академию орков – цитадель Железный клык, где дисциплина важнее дыхания, кофе варят только трусы, а ведьм считают ходячим недоразумением с травами. Её новый класс – позор академии. Сыновья вождей, наследники кланов, будущие воины, которые не могут издать боевой клич даже для того, чтобы испугать кролика. Орки называют их бракованными. Вестра быстро понимает: они не слабые. Их магия просто изменилась.

© Кирова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I. ЛИЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ ВЕСТРЫ БРИН	5
ГЛАВА 1. ТЫКВА АРИСТОКРАТИЧЕСКИХ РАЗМЕРОВ	6
ГЛАВА 2. ЖЕЛЕЗНЫЙ КЛЫК НЕ ВСТРЕЧАЕТ ГОСТЕЙ	11
ГЛАВА 3. КОТЁЛ ДЛЯ ЭЛИКСИРОВ СИЛЫ	17
ГЛАВА 4. ПЕРВЫЙ УРОК И ЛЕТЯЩИЙ ТОПОР	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ведьма-преподаватель в академии орков

ЧАСТЬ I. ЛИЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ ВЕСТРЫ БРИН

То, что ведьма согласилась рассказать сама.

ГЛАВА 1. ТЫКВА АРИСТОКРАТИЧЕСКИХ РАЗМЕРОВ

Я стояла в зале суда и старалась не думать о семечке.

Оно застряло в шве у сапога, кололо пятку и раздражало сильнее, чем верховный магистр, лорд Эдвин Крейн и весь Магистрат вместе взятые.

Хотя это было несправедливо.

Эдвин раздражал сильнее всех.

– Подсудимая Брин, – произнес магистр, глядя на меня поверх очков, – вы понимаете, в чем именно вас обвиняют?

Я понимала.

Еще как понимала.

Если бы не понимала, не стояла бы сейчас посреди круглого зала под витражом, где святые покровители Закона смотрели вниз с таким видом, будто сами никогда в жизни не ошибались. На мне было темно-зеленое платье с прожженной дырой в рукаве. На подоле – следы тыквенной мякоти. В волосах, кажется, тоже.

Я не проверяла.

Гордость не позволяла.

Судебный пристав развернул пергамент. Тот упал на пол, перекатился через ступеньку и потянулся дальше, будто тоже хотел сбежать из зала.

Я его понимала.

– Самовольное применение сезонного проклятия третьей категории, – начал пристав.
– Нарушение границ частной собственности. Порча родового герба дома Крейнов. Ущерб винному погребу, библиотеке, малой галерее предков, большой галерее предков, западной конюшне, восточной конюшне, центральной башне, северной башне, двум семейным дубам, одной часовне и... фонтану с мраморными лебедями.

– Лебеди стали лучше, – сказала я.

Кто-то в зале поперхнулся.

Магистр медленно поднял голову.

– Вам советовали молчать.

– Совет был плохой.

Я знала, что не помогаю себе. Но молчать, когда все вокруг делали вид, будто Эдвин Крейн был невинной жертвой, оказалось выше моих сил.

Эдвин сидел слева, на скамье пострадавших. Белый платок у губ. Тонкая синяя кайма. Идеальные манжеты. Идеально печальный взгляд.

Когда-то я считала его изящным.

Потом поняла: мужчина, который обращается с платком изящнее, чем со словами, рано или поздно разобьет тебе жизнь и назовет это недоразумением.

Его поместье две недели было тыквой.

Да, огромной.

Да, с башнями.

Да, паломники приходили смотреть.

Но даже это было лучше, чем его ложь.

– Моя семья, – тихо сказал Эдвин, – строила этот дом семь поколений.

– И ни разу не проветрила библиотеку, – ответила я. – Там плесень уже просила гражданство.

Магистр ударил жезлом по столу.

Зал вздрогнул.

Браслет на моем левом запястье нагрелся. Тонкий серебряный обруч с печатью Магистрата. Он не давал колдовать без разрешения суда, гасил направленную силу, не позволял сбежать и, к сожалению, не мешал мне говорить глупости.

Единственная свобода, которая у меня осталась.

Проблема была в том, что я правда не собиралась превращать все поместье.

Только кабинет.

Ну, может быть, спальню.

Но точно не конюшни. И не часовню. И уж точно не фонтан с лебедями, хотя они действительно стали выразительнее.

Заклинание было красивым. Маленькая формула сезонной перестройки материи, немного корицы, три капли настойки поздней мяты и зола из камина. Я рассчитала радиус. Дважды.

Эдвин должен был проснуться среди оранжевых стен и понять, что нельзя обещать брак одной ведьме, пока подписываешь договор с другой.

Но в его кабинете стояли зеркала.

Зачарованные.

Расширяющие пространство.

А я была зла.

Бабка говорила, что злость делает ведьму сильнее и глупее примерно в одинаковой мере.

Она была права.

– Вы признаете, что использовали проклятие? – спросил магистр.

– Да.

Эдвин посмотрел на меня так, будто я лично закопала его родословную в компост.

– Но третью категорию не признаю, – добавила я. – Вторая. Максимум вторая с половиной.

– Поместье стало тыквой.

– Временно.

– Оно пустило корни и вросло в фундамент соседнего участка.

– Я не отвечаю за сельскохозяйственный энтузиазм архитектуры.

Пристав снова поперхнулся.

Магистр снял очки и потер переносицу.

Вот тогда я поняла: сейчас будет плохо.

Не смешно плохо.

По-настоящему.

– Вестра Брин, – сказал он уже тише. – Ваша семья просила учесть обстоятельства. Ваш диплом по стихийному хаосу. Помощь при болотной лихорадке. Пожар в Нижнем квартале. Суд учел.

Я перестала смотреть на Эдвина.

Когда суд говорит, что все учел, значит, он уже решил, как именно тебя сломать.

– У вас два пути. Первый: пять лет заключения в башне Святой Клории. Запрет на варку, смешивание, кипячение, высушивание и любые формы рифмованного проклятия.

– Рифмованное – это предрассудок.

– Второй путь, – продолжил магистр, будто не слышал, – педагогическая миссия.

Я моргнула.

Это прозвучало хуже тюрьмы.

Пристав вынул новый пергамент. На печати был клык, пронзающий щит.

У меня под ребрами стало холодно.

– Военная академия «Железный Клык», – прочитал магистр. – Цитадель первого ранга. Степное Ханство запрашивает преподавателя внешней традиции для группы курсантов с нестандартным даром.

– Орки? – спросила я.

– Да.

– Орки запросили ведьму?

– Да.

– Добровольно?

– Формально – да.

Формально.

Чудесное слово. Им обычно прикрывают яму, куда тебя собираются столкнуть.

– А предыдущий преподаватель? – спросила я. – Что с ним?

Магистр помолчал.

Всего секунду.

Мне хватило.

– Он покинул должность, – сказал магистр.

– На ногах?

– В бочке, – пробормотал пристав.

Я повернулась к нему.

– В какой бочке?

– Из-под огурцов.

Зал зашептался.

Я представила себя в орочьей военной академии. Камень. Барабаны. Топоры. Юные клыкастые курсанты, уверенные, что любая трава годится только в суп или под копыта. И я – потомственная ведьма с дипломом по стихийному хаосу – объясняю им ромашку.

Нет.

Нет, это было безумие.

Опасное.

И почти интересное.

Эдвин поднялся.

Его голос стал мягким. Тем самым. Обволакивающим. Лживым.

– Милорды, прошу проявить осторожность. Госпожа Брин уже доказала, что не умеет контролировать свои способности. Отправить ее к оркам – значит оскорбить ханство.

Вот тогда он ошибся.

До этой минуты я еще могла выбрать башню. Из упрямства. Из страха. Из желания не ехать туда, где меня, скорее всего, возненавидят с первого вдоха.

Но Эдвин сказал это своим печальным голосом.

Тем самым, которым когда-то говорил: «Ты все усложняешь, дорогая».

Я улыбнулась.

– Я согласна.

Магистр прищурился.

– Вы понимаете условия?

– Нет. Но уже согласна. Продолжайте.

Магистр перечислил условия: один учебный год или до особого распоряжения ханства. Самовольное возвращение – побег. Провал миссии – башня Святой Клории.

Башня и овсянка.

Отлично.

Магистр поставил печать.

Браслет на запястье сначала остыл, потом снова нагрелся. По серебру побежали новые линии. Я почувствовала магическую цепь, уходящую куда-то на восток. За реку. За холмы. Туда, где степь, металл и орки считали дисциплину нормальным способом дышать.

Я вышла из круга подсудимых.

Семечко в сапоге впилося глубже.

Я остановилась, сняла сапог прямо посреди зала и вытряхнула его на мрамор.

Семечко упало к ногам Эдвина.

Он посмотрел вниз.

– Оставь, – сказала я. – На память о доме.

Тетя Грета в третьем ряду издала звук, похожий на короткий смешок.

Эдвин поднял глаза.

На миг его печаль исчезла. Осталось раздражение.

Настоящее.

Холодное.

Хорошо.

Значит, хоть что-то в нем оставалось живым.

На улице шел мелкий дождь. Без красоты. Просто вода с неба, грязная мостовая и лошадь, которая испортила настроение кучеру магистратской кареты.

Я стояла под козырьком и думала, что сейчас самое время заплакать.

Карьера разрушена.

Бывший торжествует.

Впереди орки.

Позади тюрьма.

Вместо этого я рассмеялась.

Тихо. Неприлично. Так смеются люди, которые еще не поняли, что потеряли, но уже знают, что скучно не будет.

Тетя Грета вышла следом и сунула мне сверток.

– Травы. Иглы. Три пузырька лунного уксуса. И сухари.

– Сухари?

– Орки кормят мясом.

– Я ем мясо.

– Не такое.

В свёртке были травы, иглы, уксус, сухари и бабкина чашка с отбитыми краями. Та самая, из которой нельзя было пить лавандовый настой: после него люди начинали говорить чуть правдивее, чем собирались.

– Тетя...

– Не начинай. Ты все равно украла бы.

Она знала меня слишком хорошо.

Мы стояли рядом под дождем.

– Я справлюсь, – сказала я.

– С орками?

– С собой.

Грета посмотрела на меня искоса.

– Это труднее.

Спорить было нечем.

– Если встретишь там мужчину с хорошими плечами и плохим характером, – сказала она, – не считай это судьбой. Это просто мужик.

– Я еду преподавать.

– Все так говорят.

– В орочью академию.

– Тем более.

Я хотела ответить, но с крыши Магистрата сорвалась тонкая тыквенная лоза. Подсохшая. Упрямая. Чудом пережившая очищающие ритуалы.

Она упала в лужу у моих ног и выпустила желтый цветок.

Грета закрыла глаза.

– Вестра.

– Я почти все сняла.

– Езжай уже.

Через два часа я сидела в почтовом дилижансе, который трясся так, будто дорогу строили люди, ненавидевшие позвоночники.

Напротив спал купец. Рядом старуха вязала черный носок и поглядывала на мой браслет. На крыше орали курицы. Они были недовольны дорогой, погодой и, возможно, политикой.

Я достала маршрут.

До Железного Клыка – девять дней.

Девять дней до места, где меня будут считать слабой, чужой, опасной и удобной для обвинений.

Девять дней до группы курсантов с «недостаточной звуковой отдачей боевого дара».

Красивое канцелярское выражение.

Так в канцеляриях называют детей, которых взрослые уже списали.

Я перечитала имена.

Рагн Ур-Тах.

Марак Седой Зуб.

Тарша Дочь Рова.

Грош Камнеслух.

Ильг Быстрый Нос.

Пять учеников.

Пять причин не попасть в тюрьму.

В конце справки была приписка: «Группа проблемная. Контакт с оружием ограничить».

Я достала карандаш и написала на полях:

«Первое правило преподавания: если в тебя бросают топор, использовать его как учебное пособие».

Тогда я еще не знала, что это пригодится.

ГЛАВА 2. ЖЕЛЕЗНЫЙ КЛЫК НЕ ВСТРЕЧАЕТ ГОСТЕЙ

На девятый день дорога закончилась у стены.

Я видела крепости и раньше. Человеческие крепости любили хвастаться прошлым: башенки, гербы, флаги, статуи королей с лицами людей, которые смотрят в будущее и видят налоги.

Железный Клык не хвастался.

Он просто стоял.

Черная базальтовая цитадель вросла в край степного плато, будто ее не построили, а вырвали из земли вместе с корнями. Стены были широкими, глухими и без украшений. Над воротами скрещивались два огромных железных клыка.

Ветер тащил пыль, запах сухой травы и чего-то жареного.

За стеной били барабаны.

Ровно.

Низко.

Как сердце зверя, который не собирается умирать.

Дилижанс остановился в сотне шагов от ворот.

Кучер спрыгнул и снял шапку.

– Дальше сами, госпожа.

– Почему?

Он кивнул на ворота.

– Правило.

Прекрасно.

Я только приехала, а уже нарушаю распорядок.

Я выбралась наружу. После девяти дней дороги ноги казались чужими, спина – поводом подать жалобу, а волосы жили собственной степной жизнью. Сумка была по бедру. Внутри звякали пузырьки, сухари и бабкина чашка.

Браслет на запястье потеплел.

Он, кажется, обрадовался новому месту заключения.

Ворота молчали.

Слева висел гонг. Огромный. С рунами по краю. Перед ним – молот на цепи, размером примерно с мое туловище.

На камне под гонгом была табличка:

«Гость, желающий войти в Железный Клык, должен объявить себя звуком. Тот, кто не способен пробудить ворота, не способен пережить их гостеприимство».

Ниже кто-то нацарапал ножом:

«Человеческий учитель, возвращайся».

Еще ниже другой рукой:

«Если уже вошел – беги к кухне, там окна ниже».

Я посмотрела на последнюю строчку.

Предыдущий преподаватель оставил полезное наследие.

Я взялась за молот двумя руками.

Он не сдвинулся.

Вообще.

Сверху, на стене, показались две орочьи головы. Зеленовато-серые лица, темные косы, клыки. Один что-то сказал другому, и оба заржали.

Смех был низкий.
Без злобы.
Но с предвкушением.
Я отпустила молот.
– Да, да, наслаждайтесь. Момент короткий.
В сумке нашлась чайная ложка. Серебряная, погнутая, с узором плюща. Я не помнила, брала ли ее. Вещи иногда лучше хозяйки знают, где им быть.
Я постучала ложкой по гонгу.
Тихо.
На стене заржали громче.
Я закрыла глаза.
Гонг был старым.
Не просто старым предметом. Он помнил руки, удары, церемонии, кровь на ремнях, детские ладони курсантов, которым впервые разрешали объявить себя перед воротами.
Любой орк попытался бы взять его силой.
Я не была орком.
Я приложила ложку к самому краю, туда, где металл тоньше, и прошептала маленькое ведьмовское слово. Им обычно заставляют стекло дрожать, когда в доме заводятся мыши.
Ложка задрожала.
Гонг ответил.
Сначала едва слышно.
Потом глубже.
Гул разошелся по кругу, сполз в камень, поднялся к воротам. Железные клыки над аркой застонали. Звук родился не от удара, а от долгого, растущего дыхания металла.
На стене перестали смеяться.
Ворота открылись.
Я спрятала ложку, поправила волосы и вошла.
Первое, что я увидела, – тренировочный двор.
Второе – шеренги курсантов.
Третье – топоры.
Их было столько, что у меня возникло ощущение: учебное заведение и оружейный склад перепутали местами.
Ко мне подошла орчанка с широкой челюстью и косой до пояса. На нагрудной пластине была выбита ладонь.
– Имя, – сказала она.
– Вестра Брин. Преподаватель внешней магической настройки.
Она оглядела меня сверху вниз.
– Мелкая.
– Вы первая, кто это заметил.
– Хрупкая.
– А вот это уже грубо.
– Пахнет травой.
– Надеюсь.
Орчанка прищурилась. Нос сломан. Глаза янтарные. Красивые, но это не смягчало лицо. Скорее делало его опаснее: отвлечешься на секунду – и потеряешь зубы.
– Я Брумга Железная Ладонь. Старший инструктор ближнего боя. Если умрешь на территории академии, сообщи заранее, чтобы не нарушить расписание.
– Постараюсь умереть между занятиями.
Она хмыкнула.

Возможно, это был смех.

Возможно, предупреждение.

– Ректор ждет.

Она пошла через двор, а я поспешила следом. Курсанты провожали меня взглядами. Юные орки были крупнее большинства взрослых людей. Некоторые еще не набрали полной ширины в плечах, но уже носили шрамы с гордостью.

Кто-то прошептал:

– Ведьма.

Другой ответил:

– Человеческая.

Третий сказал:

– Смотри, у нее палочки в волосах.

– Это шпильки, – сказала я, не оборачиваясь. – Но если будешь невежлив, одна станет палочкой.

Шепот стих.

Брумга снова хмыкнула.

Коридоры академии были прямыми, холодными и слишком честными. На стенах висели щиты, барабаны, тренировочные клинки и расписания. Подъем, бег, завтрак, клич, строевая магия, бой, еда, бой, теория войны, еда, снова бой.

Где-то между этим, видимо, курсанты успевали расти и лечить переломы.

У двери кабинета ректора Брумга остановилась.

– Внутри говори коротко.

– Почему?

– Он не любит шум.

Я подняла бровь.

– Ректор орочьей военной академии не любит шум?

– Не всякий шум полезен.

Она открыла дверь.

Кабинет был большим, пустым и очень чистым. Стол из темного дерева. Карта ханства. Стойка с оружием. Полка с каменными табличками. На подоконнике стояла кружка с отколотой ручкой.

Я заметила ее первой.

Разозлилась на себя.

В комнате был огромный орк, а я смотрела на кружку.

Потом все-таки посмотрела на него.

Гаррог Ур-Хаш сидел за столом и писал пальцем в воздухе. Золотистые угловатые знаки возникали перед ним и впитывались в каменную пластину.

Он был крупнее всех, кого я видела. Даже сидя, он занимал слишком много пространства. Широкие плечи. Тяжелые руки. Кожа темно-оливковая. Волосы заплетены в короткую тугую косу. Через левую бровь шел шрам. На горле – другой. Страшнее.

Будто когда-то кто-то пытался вырвать из него голос.

Он поднял глаза.

И мне вдруг захотелось поправить платье.

Не из кокетства.

Так перехватывают щит, когда на тебя смотрит осадная башня.

В воздухе вспыхнули слова:

«Вестра Брин. Опоздали на сорок две минуты».

– Дилижанс застрял в грязи.

«Дорога сухая».

– Кучер испугался ворот.
«Кучер остался за воротами. Вы шли сто шагов восемь минут».
Я перевела взгляд на Брумгу.
– Он всегда такой гостеприимный?
– Сегодня мягкий день, – сказала она.
Новый знак возник мгновенно:
«В Железном Клыке нет мягких дней».
– Значит, есть дни с поэзией.
Знак дрогнул и погас.
Брумга кашлянула.
Я не стала на нее смотреть. А то еще улыбнулась бы.
Гаррог встал.
Комната сразу стала меньше.
Он обошел стол. Двигался слишком тихо для своего размера. Остановился в трех шагах от меня.
От него пахло металлом, дымом и мокрой кожей.
Я решила, что это неважно.
«Вы здесь по наказанию».
– Да.
«Вы не хотели эту должность».
– Никто в здравом уме не хотел бы должность с предупреждением о бочке из-под огурцов.
«Вы склонны к разрушительным импровизациям».
– Смотря кто пишет отчет.
«Вы превратили человеческое поместье в овощ».
– В ягодовидный плод.
Брумга медленно повернула голову.
– Что?
– Тыква – ягодовидный плод. Крупный, но все же.
Несколько секунд было тихо.
Потом Гаррог написал:
«Вам смешно».
– Иногда это единственное, что мешает мне кусаться.
Его взгляд на мгновение задержался на моем рте.
Я решила, что он оценивает угрозу.
Точно угрозу.
«Условия службы. Первое: вы подчиняетесь уставу академии. Второе: занятия проходят под наблюдением. Третье: зелья, проклятия, чары, травы, порошки и любые предметы, способные изменить форму, размер, вес, голос, настроение или семейное положение курсанта, регистрируются заранее».
– Семейное положение?
«После прежнего преподавателя мы расширили формулировку».
– Он женил кого-то?
Брумга отвернулась к окну.
Ответ был очевиден.
«Четвёртое: доступ к арсеналу запрещён. Пятое: спуск на подземные уровни запрещён. Шестое: доступ к барабанам предков запрещён. Седьмое: кофе не варить в служебных котлах».
Я моргнула.
– Это почему отдельно?
«Был случай».

– С огурочным преподавателем?

«Нет».

Он протянул каменную пластину с договором. Я пробежала глазами запреты, обязанности и штрафы.

Неделя без травяного чая.

Чудовища.

– Подписать кровью?

«Чернилами».

– Удивительно цивилизованно.

Я подписала. Браслет кольнул кожу, принимая новую привязку. Старый запрет не исчез, но разделился на допуски: бытовые и учебные чары внутри академии он пропускал, а сильную магию, нападение и побег по-прежнему блокировал. На миг мне показалось, что за стеной ударил невидимый гонг.

Гаррог заметил, как я вздрогнула.

«Браслет болит?»

– Нет.

Ложь была мелкой.

Он все равно ее заметил.

«Завтра вы знакомитесь с расписанием и получаете допуск к учебным материалам. Первый класс — послезавтра после второго гонга. Брумга покажет комнату. До утра не устраивать пожаров».

– А после утра?

«Тоже».

– Вы лишаете меня творческой свободы.

«Я сохраняю здание».

– Камень не горит.

«Вы найдете способ».

Тут я улыбнулась.

Нельзя было не признать: ректор учился быстро.

У двери я остановилась.

– Вы действительно не говорите?

Брумга резко повернулась.

В комнате стало холоднее.

Гаррог не двинулся. Знак появился не сразу.

«Действительно».

– Почему?

Пауза была длинной.

Слишком длинной.

Потом он написал:

«Потому что тишина иногда милосерднее».

Брумга открыла дверь.

– Комната.

Я вышла.

После кабинета коридор показался шумным, хотя там никого не было.

Комната оказалась похожа на прилично оборудованную камеру. Кровать. Стол. Шкаф. Полка. Железный умывальник. Узкое окно с видом на стену и кусок неба. На столе лежал том устава и записка: «Для ознакомления до утра».

Я открыла на середине.

«Пункт 412. Запрещается использовать учебных козлов как личных ездовых животных, кроме случаев учебной тревоги, одобренной тремя инструкторами».

– У вас были насыщенные годы, – сказала я.

Брумга не спорила.

Когда она ушла, я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

Тишина была плотной.

Каменной.

Не домашней.

Я достала вещи. Травы. Иглы. Пузырьки. Сухари. Бабкину чашку. Три рубашки. Письмо от тетки, которое раньше не заметила.

«Не влюбляйся в ректора, если он носит шрамы красиво. Это не характер, это кожа».

Я фыркнула и спрятала письмо под матрас.

Потом положила чайную ложку рядом с уставом.

Она выглядела нелепо на суровом камне.

Хорошо.

В дверь постучали.

Я открыла.

За порогом не было никого.

Только маленький мешочек на полу.

Внутри были соль, черная нитка и сухой зверобой. Оберег. Человеческий, не орочий. Сделан плохо, торопливо.

На мешочке углем было написано:

«Чужая ведьма заберет наши голоса».

Я долго смотрела на эти слова.

Потом подняла мешочек и понюхала.

– Зверобой прошлогодний. Позор.

Я могла испугаться.

Наверное, стоило.

Вместо этого разозлилась.

За стеной ударили барабаны.

Один раз.

Второй.

Третий.

Железный Клык объявлял вечерний сбор.

Я закрыла дверь, задвинула засов и поставила на стол медный дорожный котелок.

Потом нашла кофейные зерна, завернутые в платок.

Тетя Грета думала обо всем.

Скоро комната наполнилась запахом кофе и мелиссы.

На устав упала темная капля.

Я вытерла ее рукавом, но пятно осталось.

Так стало лучше.

ГЛАВА 3. КОТЁЛ ДЛЯ ЭЛИКСИРОВ СИЛЫ

Утро в Железном Клыке началось не с рассвета.

Оно началось с насилия над барабаном.

Первый удар прошел через стену, кровать, череп и все нераскаявшиеся части души.

Я села резко, запуталась в одеяле, ударилась коленом о сундук и сказала несколько слов, которые в доме Брин использовали только при нашествии мокриц и при визите сборщика налогов.

Второй удар сообщил, что я жива.

Третий – что это, видимо, поправимо.

Один сапог нашелся под кроватью.

Другой – в умывальнике.

Я не стала выяснять, как.

На столе стоял вчерашний котелок с кофейной гущей. Рядом лежал устав, открытый на пункте 217:

«Преподаватель обязан являться на утреннее построение в состоянии, пригодном для опознания».

– Стандарты у них низкие, – пробормотала я.

Через четверть часа я вышла в коридор. Волосы удалось собрать наполовину. Две пряди торчали у виска так, будто пытались покинуть академию отдельно. На левом рукаве было пятно от кофе, похожее на карту неизвестного архипелага.

У лестницы стоял молодой орк с дощечкой в руках.

Он посмотрел на меня.

На пятно.

На волосы.

Потом снова в дощечку.

– Преподаватель Брин?

– Пока да.

– Мне приказано провести вас в трапезный зал.

– Кем?

– Уставом.

– Устав уже отдает приказы лично?

– Ректором, – поправился он. – Но через устав.

Его звали Догр. Адьютант третьего ранга. Он говорил так, будто каждое слово сначала получало разрешение у старшего. Когда я задавала вопросы, у него краснели уши.

Я спросила, сколько в академии пунктов устава.

– Основных – восемьсот сорок два, – сказал он.

Потом добавил после паузы:

– С приложениями – две тысячи одиннадцать.

Я подумала, что башня Святой Клории, возможно, была недооцененным вариантом.

Трапезный зал был длинным, каменным и шумным. Курсанты ели кашу, мясо, черный хлеб и что-то кислое из глиняных чашек. В центре стоял огромный котел с бульоном. Пар пах костями, луком и военной решимостью.

Когда я вошла, разговоры стихли.

Сначала ближайшие столы.

Потом дальние.

Через несколько секунд весь зал смотрел на меня.

Я помахала пальцами.

– Доброе утро. Кто-нибудь знает, где здесь кофе, или вы воюете с бодростью на стороне врага?

Никто не ответил.

У преподавательского стола Брумга подняла кружку. Вид напитка был подозрительный.

Гаррог сидел во главе стола. Перед ним – миска каши, кусок мяса и каменная пластина.

Он писал знаки, не глядя на возникающие линии.

«Опоздали на шесть минут».

– Вы же барабанили мне прямо в кости.

«Значит, проснулись».

– Не значит, что простила.

Брумга пододвинула мне миску.

– Ешь. Первые дни все бледнеют.

– Это утешение?

– Наблюдение.

Каша была густой, соленой и серой. На вкус – как раскаяние, сваренное без любви. Я съела три ложки, потому что гордость гордостью, а желудок не подписывал политических заявлений.

– Мне нужен котел, – сказала я.

Брумга кивнула на раздачу.

– Там суп.

– Для уроков.

Гаррог поднял глаза.

«Для чего именно?»

– Для зельеварения, демонстраций, алхимических реакций, временных дымовых эффектов и, возможно, кофе.

Новый знак возник резче прежних.

«Кофе запрещено варить в служебных котлах».

– В уставе сказано «служебных». Мне нужен учебный.

«Учебный котел тоже служебный».

– Это философский вопрос.

«Это пункт 731».

Брумга откусила хлеб.

– Есть старый котел в кладовой эликсиров силы. Треснул у ручки, для боевых смесей не годится.

Гаррог взглянул на нее.

Брумга пожала плечами.

– Если ведьма взорвет его, мы потеряем хлам.

– Мне нравится уровень доверия, – сказала я.

После завтрака Догр отвел меня в кладовую.

По пути мы прошли через три двора. В одном курсанты бегали с бревнами. В другом строились и кричали так, что у меня дрожали зубы. В третьем метали копья в движущиеся щиты.

Один щит сорвался с направляющей и покатился к нам.

Я подняла руку и мягко отвела его в сторону. Щит врезался в стойку рядом с инструктором.

Инструктор посмотрел на меня.

– Ветер, – сказала я.

Догр побледнел.

– Здесь нет ветра.

– Очень локальный.

Кладовая эликсиров силы была прекрасна.

Не кружевной ведьмовской красотой, нет. По-честному. Полки до потолка. Глиняные сосуды. Железные ступки. Мешки с порошками. Связки корней. Сушеные грибы размером с кулак.

В углу стоял котел.

Большой, черный, с трещиной у левой ручки. На боку кто-то выцарапал: «Харг победил суп».

– Кто такой Харг? – спросила я.

– Курсант выпуска сто двенадцатого года. Он пытался приготовить эликсир ярости и добавил фасоль.

– Умер?

– Нет. Но его отряд неделю жил в дальних казармах.

– Трагедия.

Я провела пальцами по краю котла. Металл был старый, добротный и немного обиженный. Я любила такие вещи. Новые предметы слишком уверены в себе. Старые знают, что все может пойти не так, и поэтому лучше сотрудничают.

– Беру.

– Ректор велел регистрировать все, что вы возьмете.

– Записывай: один котел с характером, три щепоти сушеного корня, ступка, ложка...

– Ложка у вас своя.

– Ложек много не бывает.

Догр честно записал.

К полудню я обустроила в комнате рабочий уголок. Котёл у окна. Травы на шнуре. Устав под ножкой стола, чтобы она не шаталась. На это ушло время, зато в комнате стало почти уютно.

Если забыть про каменные стены.

И узкое окно.

И расписание, где в графе «свободный час» значилось «уход за оружием».

Затем я сделала то, что сделала бы любая разумная ведьма.

Сварила кофе.

Не обычный. Черный, густой, с мелиссой, щепотью соли и каплей настойки бодрости.

Котел зашипел, потом обиженно булькнул. Пар поднялся к потолку, собрался в облачко и на секунду принял форму козы.

– Нет, – сказала я.

Облачко передумало и рассеялось.

Первый глоток был ужасен.

Второй лучше.

Третий убедил меня, что жить можно.

В дверь постучали так, будто хотели войти вместе с косяком.

На пороге стоял орк лет пятидесяти в сером нагруднике. Тяжелая челюсть, коса, перевязанная металлическими кольцами. На пальце массивный перстень с молотом.

– Хордаг, мастер строевой магии, – сказал он. – Я пришел посмотреть, что человеческая ведьма делает с котлом для эликсиров силы.

– Кофе.

Он посмотрел на котел.

Потом на меня.

Снова на котел.

– Это священный предмет военной подготовки.

– На нем написано про Харга и суп.

– История не умаляет назначения.

– Хотите чашку?

Хордаг отступил на полшага.

– Я не пью ведьмовское.

– Хорошо. Больше мне достанется.

Он вошел без приглашения. Комната сразу стала теснее.

Хордаг оглядел мои травы, поморщился, потом поднял пучок тысячелистника.

– Женское баловство.

– Это тысячелистник.

– Баловство с листьями.

– Глубокая классификация.

Он бросил пучок обратно.

– Орочья магия – звук, удар, кость, кровь, строй. Наши курсанты не нуждаются в запахах и банках.

– Ваши курсанты, как я понимаю, как раз нуждаются в преподавателе с запахами и банками.

Его лицо потемнело.

– Тихокровные – ошибка рождения. Их нужно не учить, а переводить на службу, где они не опозорят кланы.

Я поставила чашку на стол.

Спокойно.

Это было важно, потому что рука очень хотела плеснуть кофе ему на перстень.

– Вы часто называете детей ошибкой прямо при них или только за спиной?

– Они не дети. Они курсанты.

– Удобная разница.

Он наклонился ближе.

От него пахло кожей, чесноком и старой злостью.

– В этой академии вы чужая. Запомните это до первого урока.

– Уже записала. Крупными буквами. Подчеркнула.

Он ушел, хлопнув дверью. Травы качнулись на шнуре. Из котла поднялся пар, похожий на обиженную курицу.

Я села на край кровати.

Злость не проходила.

Она просто меняла форму.

Позже я вышла в коридор. Нужно было понять здание. Или хотя бы перестать чувствовать себя в нем гостьей, которую уже занесли в список потерь.

У поворота к архивам я услышала гул.

Не барабан.

Не голос.

Не кузница.

Звук шел из стены. Такой низкий, что уши почти его не воспринимали. Скорее тело. Он дрожал в костях, зубах и браслете.

Браслет ответил слабым жаром.

Я приложила ладонь к камню.

Три коротких толчка.

Пауза.

Один длинный.

– Ну здравствуй, странность, – сказала я.

За спиной кашлянули.

Догр стоял в нескольких шагах с охапкой чистых полотенец.

– Преподаватель Брин? Вам нельзя в этот коридор.

– Я и не в нем. Я рядом.

– Это запрещенная зона.

– Рядом с запрещенной зоной запрещено?

Догр замялся.

Я почти видела, как в его голове бегает две тысячи одиннадцать пунктов устава.

– Думаю, да.

– Какой интересный народ.

– Что там? – спросила я.

– Подземные уровни. Старые залы. Архивы. Барабаны предков.

– Те самые, доступ к которым запрещен?

– Пунктами шестьсот девяносто вторым, семисотым, семьсот первым и отдельным приказом ректора.

– У вас даже запреты ходят строем.

Догр не улыбнулся.

– Вы что-то слышали?

Я могла сказать правду.

Но правда в первый день службы обычно создает много бумажной работы.

– Живот, – сказала я. – Ваша каша ведет внутреннюю войну.

Догр покраснел ушами.

– Лекарь на втором этаже.

– Переживу.

Вечером меня вызвали на преподавательский совет.

Совет проходил в зале с длинным столом и портретами прошлых ректоров. Все они смотрели так, будто умерли разочарованными и продолжали исполнять обязанности.

Преподавателей было семеро. Брумга. Хордаг. Лекарь Мурша. Мастер верховой езды. Начальник арсенала. Преподаватель тактики. И Гаррог во главе стола.

Мне дали место у края, рядом с кувшином воды и тарелкой сухого печенья.

Печенье было таким твердым, что могло служить запасным оружием.

Совет обсуждал расписание, травмы, нехватку ремней и мой завтрашний урок.

– Я требую присутствия двух инструкторов, – сказал Хордаг. – Тихокровные нестабильны. Ведьма тоже.

– Польщена, что вы ставите нас рядом.

Гаррог написал:

«На первом занятии будет наблюдатель».

– Вы?

«Брумга».

Брумга кивнула.

Я повернулась к Гаррогу.

– Боитесь, что я испорчу ваших курсантов?

Он ответил не сразу.

«Боюсь, что они испортят вас. Потом придется писать отчет».

Лекарь Мурша фыркнула. Хордаг бросил на нее взгляд. Мурша спокойно разломила печенье пальцами.

Оно хрустнуло, как маленькая кость.

После совета Гаррог задержал меня жестом.

Мы остались вдвоем.

Портреты прошлых ректоров были плохой компанией.

«Хордаг говорил с вами».

– У вас стены доносят?

«У Хордага громкий гнев».

– Гнев часто переоценивает себя.

Гаррог подошел к окну. За стеклом темнел двор. У кузницы горел красный свет, и молот бил редко, лениво.

«Тихокровные сложны».

– Нет. Сложны взрослые, которые уже решили, что делать с этими детьми.

Он повернулся.

«Вы знаете их один день».

– Я знаю, как выглядят дети, которых заранее похоронили в чужих ожиданиях.

Слова вышли слишком честными.

Я не собиралась приносить в чужую крепость свои старые обиды. Но обиды так и делают: сидят тихо годами, а потом лезут изо рта в неподходящий момент.

Гаррог написал:

«Завтра вы увидите, почему академия боится ошибок».

– Я не боюсь ошибок.

«Зря».

Он взял свою глиняную кружку с отколотой ручкой и налил воды.

Я снова на нее посмотрела.

Проклятье.

– У вас есть целые кружки? – спросила я.

«Да».

– Но вы пьете из этой.

«Она удобная».

– У нее нет ручки.

«Меньше слабых мест».

Я хотела съязвить.

Не стала.

Не каждый ответ требует зубов.

Когда я вернулась к себе, на двери снова висел мешочек.

Внутри зола и кусок обожженной веревки.

Записка та же:

«Чужая ведьма заберет наши голоса».

Я положила мешочек рядом с первым и достала лист бумаги.

План урока получился коротким.

Первое: не умереть.

Второе: не дать им понять, что я боюсь.

Третье: выяснить, почему стена гудит.

Я пожевала кончик карандаша и добавила:

Четвертое: не думать о кружке ректора. Это точно не имеет значения.

За стеной снова прошел низкий гул.

Три коротких толчка.

Пауза.

Один длинный.

Я подняла голову.

Теперь я точно знала: это не каша.

ГЛАВА 4. ПЕРВЫЙ УРОК И ЛЕТЯЩИЙ ТОПОР

Топор полетел в меня через семь секунд после начала занятия.

Я вошла в аудиторию, поставила сумку на стол и успела заметить пять лиц, шесть парт, три открытых окна, пятно сажи на потолке и надпись на задней стене:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.